2. Геродот. История в девяти книгах. / Перевод и примечания Г.А.Стратановского; Под общ. ред. С.А.Утченко. Ленинград: Наука. 1972. 574 с.
3. Фирдоуси. Шах-наме. М.: Художественная литература (БВЛ), 1972. 62 с.
4. Джикаев Ш.Ф. Древний быт и мировоззрение осетинского народа. Миф. Фольклор. Обычай. Владикавказ, изд-во СОГУ, 2009. 264 с
5. Берегова О. Символы славян. М.: Диля, 2008. 341 с.
6. Пропп В.Я. исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ, 1986. -191 с.
7. Чурсин Г.Ф. Осетины. / Труды закавказской научной организации. Тбилиси, 1925. – 186 с.
8. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. М., 2008. 105.
9. Туаллагов А.А. Ранние аланы. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. 462 с.
10. Техов. Б.В. Тайны древних погребений. Владикавказ: Проект-пресс, 2002. 214 с.
11. Дзадтиаты Р.Г. Царциатские памятники: едыское городище и могильники. Владикавказ: Ир, 2006. 175 с. Ранние аланы. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. 462 с.
12. Плетнева С.А. От кочевий к городам. М. 1967.
13. Газданова В.С. Золотой дождь. Исследования по традиционной культуре осетин: Сб. научных трудов / Под ред. Р.С. Бзарова.; СОИГСИ им В.И.Абаева. Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2007. 438 с.

Моргоева Л.Б.

Пути семантического наполнения лексемы и его контекстное отражение

*СОИГСИ ВНЦ РАН РСО-Алания
(Россия, Владикавказ)*

doi: 10.18411/lj-12-2020-234

idsp: ljjournal-12-2020-234

Аннотация

В статье рассматриваются механизмы семантического наполнения лексических единиц осетинского языка. На примере лексемы *пæлæз* / «плащ» анализируются различные факторы, влияющие на семантическую трансформацию языковой единицы. Затрагиваются проблемы лексикографического описания подобных слов, связанные с трудностями их стилистической маркировки в отрыве от контекста. Для выявления путей обогащения семантики слова представлена ретроспектива развития его значения в историческом, литературном, этнографическом и собственно языковом контекстах. Проведенный анализ языкового материала, извлеченного из различных источников, показал способность слова не только расширять свои семантические возможности, но, исходя из контекста, приобретать различные стилистические оттенки без формально-грамматических изменений. На современном этапе развития языка в условиях массовой глобализации и стремительного пополнения пассивного блока осетинской лексики, большинство слов приобретают пограничный статус, и, будучи на стадии перехода в разряд архаизмов, благодаря контексту становятся востребованными в своем прямом значении, и оказываются способными актуализировать приобретенные дополнительные смыслы в качестве экспрессивов.

Ключевые слова: лексика, архаизм, семантика. контекст, осетинский язык

Abstract

The article examines the mechanisms of semantic content of the lexical units of the Ossetian language. On the example of the lexeme *пæлæз* / "cloak", various factors are analyzed that affect the semantic transformation of a linguistic unit. The problems of the lexicographic description of such words are touched upon, connected with the difficulties of their stylistic labeling in isolation from the context. To identify ways of enriching the semantics of a word, a retrospective of the development of its meaning in the historical, literary, ethnographic and linguistic contexts proper is presented. The analysis of linguistic material extracted from various sources showed the ability of a word not only to expand its semantic capabilities, but, based on the context, to acquire different stylistic shades without formal grammatical changes. At the present stage of language development in the context of

mass globalization and the rapid replenishment of the passive block of Ossetian vocabulary, most words acquire a borderline status, and, being at the stage of transition to the category of archaisms, thanks to the context, they become in demand in their direct meaning, and are able to actualize the acquired additional meanings in quality of expressives.

Keywords: vocabulary, archaism, semantics. context, Ossetian language

Одной из разновидностей верхней одежды является плащ-накидка, более благородный вариант – мантия. Помимо практического назначения, которое заключалось, главным образом, в защите и, нередко, в маскировке, такой тип верхней одежды сообщал о статусе его хозяина. При сохранении внешней формы и типа покроя, плащ мог иметь капюшон или прорези для рук. Важное значение имел материал, из которого изготовлена мантия, его цвет и отделка. О высоком статусе хозяина сообщали узоры и орнаменты на мантии, подбивка ценными мехами и дополнительные элементы. Все это наделяло этот предмет одежды новыми смысловыми оттенками, каждый из которых имел свою символику.

В осетинском языке для обозначения всех типов подобного рода верхней одежды существует одно название *пæлæз* «плащ», «накидка», «мантия» и употребляется в том же значении. Однако, функциональная семантика слова несколько шире и может использоваться в значении паруса самостоятельно (*Пæлæз иууылдæр уыди цетаны гæппæлтæй сæмпызтытæ, сæмæ топптыхтæй саст полчы тырысайæ хъауджыдæр нæ уыд.* /«Парус был весь в заплатках из мешковины и, свернутый, напоминал знамя наголову разбитого полка») [1] или в сочетании *пæлæзджын нау* «парусное судно», а также в составе сложного слова *наупæлæз* «парус». Вероятнее всего это вторичное значение, возникшее из-за больших размеров плаща-накидки, которая обычно имела колоколообразную форму и выкраивалась в форме полукруга или $\frac{3}{4}$ круга [2, с.82], что позволяло его использовать при необходимости и в качестве паруса.

По своему прямому назначению *пæлæз* (плащ) использовался для укрытия в ненастную погоду от дождя и холода, будучи в походе, на работе. Необходимым был и во время пребывания пастухов и чабанов на отгонных пастбищах. В этнографических источниках нет точных описаний *пæлæз* как особого вида верхней одежды, вся информация во многом схожа с буркой/*нымæт* [3, с.114], и определяется как войлочный плащ / *уæллаг нымæт* [4, с. 145]. В действительности же, В.И Абаев толкует *пæлæз* как «накидка из грубой ткани» [5, 239], что имеет принципиальное отличие от *нымæт*, который изготавливался из войлока и имело иную структуру, плотность и варианты использования. При наличии обоих предметов верхней одежды, *пæлæз* использовали для укрытия во время ночлега в пути, как более легкий и тонкий, чем бурка, в то время как *нымæт* чаще стелили под собой.

Так, аланы, составляющие большую часть тяжелой конной кавалерии Византии и отличающиеся особой воинственностью, были прекрасно экипированы. Конный воин носил тунику из тонкой или плотной ткани в зависимости от времени года. Туника была достаточно широка и длинна, чтобы прикрывать колени всадника, сидевшего верхом на коне. Поверх туники кольчуга аварского либо персидского образца с кольчужным капюшоном и поясом, пелерина и войлочный плащ с широкими рукавами на случай плохой погоды... [6, 116].

О том, что это совершенно два разных вида накидок, говорят сами тексты: *Æхсæвы арты фарсмæ, нымæты зæронд сæ быны, хъысын пæлæз сæ уæлæ, æрхуыссыдысты (Сека Гадиев)* / «Ночью возле огня улеглись, старая бурка под ними, сверху плащ из грубой шерсти» или *Пæлæзы йæхи атыхта (Сырдон), нымæт йæ уæлæ æркодта, худ арф æрсагъта, ронæй хи æрбалвæста....* (Нартовские сказания) / «Укутался Сырдон плащём, накинул сверху бурку, натянул шапку, подпоясался ремнем...».

Более четкую информацию об использовании и ношении *палæз* мы можем найти в фольклорных источниках, где *палæз* мог служить не только для укрытия от холода, но быть импровизированным столом в дороге: *бæласы бын æрытыдта йæ палæз* / «под деревом расстелил свой плащ»; *йæ палæзы гæбаз йе 'ккой бакодта, йæ топп йе уæнгтыл баппæрста æмæ аскъæрдта рæгъауы* / «надел свой плащ на плечи, закинул свое ружье за спину и погнал стадо»; *Хорз, фæлæ дауыл палæз ис, æз та гомриу даен, хур мæ басудздæн* / «Хорошо, но на тебе плащ, а я с открытой грудью, солнце обожжет меня»; и др.

Если бурку носили исключительно мужчины, то *палæз*, как накидку, носили и женщины (*Иу æронд ус зилы цагъды мæрдтыл. Йæ палæз — сау, йæ дзыккутæ — пыхцыл æмæ урс* (Шамиль Джикаев) / «Одна старуха обходит погибших воинов. Ее плащ — черный, ее волосы — спутаны и белые»), а также девушки. Так *Хуры чызг* (дочь Солнца) перенесла под своим плащем Батрадза на небеса (*Уæдæ хъус, - æгъы чызг, - æз мæ палæзы бын дау бакæндзынæн (...)* *Хуры тын нæ схæсдæн уæлавмæ* / «Тогда слушай, - говорит девушка, - я спрячу тебя под своим плащем. Солнца луч нас поднимет на небеса»). Из литературных же источников мы имеем информацию и о материале, из которого он пошит (*йæ уæлæ — кæттаг цыбыр палæз* / «на нем — холщовый короткий плащ» (Шамиль Джикаев)), и могла быть как короткой, так и длинной (*Йæ амонд уыд, æмæ йæ палæз — даргъ* / «Его счастье, что плащ длинный»).

По имеющимся описаниям, особой отделкой плаща и накидки у осетин не отличались. В основном это были накидки из неотбеленной материи серых тонов, тонкой шерсти, реже шелка. Однако источники указывают на особый статус скифских воинов, носивших плащи, сшитые из кожи, содранной с вражеских голов. Военный обычай скифов предполагал обязательное обезглавливание врага с последующим скальпированием. Скальпы, выделанные и используемые в качестве полотенец для рук, привязывали к уздечке коня и становились предметом гордости. Большое количество таких «полотенец» позволяло изготавливать плащи, сшивая их, подобно козьим шкурам. Владелец такого плаща считался самым доблестным мужем (Геродот). Кроме того, в составе так называемого «турнейского сокровища» из гробницы был найден «плащ с орнаментом в сарматском стиле с роем золотых цикад» [7, с.64-65].

Вместе с тем, цвет *палæз* имел свое символическое значение, которое просматривается в фольклорно-мифологических представлениях. Плащи и накидки *черного* цвета носили женщины весьма преклонного возраста, часто вдовы, и несли информационный посыл скорби и отрешенности от мирских радостей и благ. В литературных текстах отражено традиционное одеяние священников черного цвета до пят, которое также называется *палæз*, вне зависимости от наличия / отсутствия накидки как самостоятельной детали церковного одеяния (*Сауджын йæ палæз куы сиса, уæд дзы 'фсарм-æфсармытæ нал вæййы* (Пословица) / «Когда священник снимает свою рясу, то стыда-совести тоже не бывает»).

В мифологии осетин черный плащ был атрибутом одежды *Сау Бараг* (Черный всадник), который считался покровителем воров и разбойников в осетинской мифологии не позднее 17- начала 18 века, когда набеги являлись важным источником наживы. По представлениям осетин он всегда ездит на черном коне и в черных одеждах впереди людей, отправляющихся на разбой и воровство. В сказаниях выступает как антипод *Лæгты дзуар*, в отдельных вариантах – как покровитель волков, рыскающих по ночам в поисках добычи [8, с.120].

Его полной противоположностью был покровитель мужчин, путников и воинов *Лæгты дзуар* (Уастырдж). Как самое почитаемое божество в осетинской мифологии и небожитель, он изображается в виде грозного воина на белом коне, в белых одеждах, часто в белой бурке или белом плаще. Среди многочисленных эпитетов, относимых к нему, всегда присутствует белый цвет: его называют *сызгъæрин* «золотой», *цахæрцæст* «искроглазый», *тæхгæ-нæргæ* «летающе-грохочущий», *бæрзондылдагæ* «на вершине

сидящий», *урсбоцъо* «белобородый», *урспæлæз* «в белом плаще». Он летает и ездит на белом коне, всегда подтянут и вооружен.

В некоторых описаниях встречается и красный цвет плаща, который надевали жрецы: *Æрæджиау байгом дуар. Рухсæ дзы рацыд æртæ æзронд лæджы. Сæ боцъотæ — урс, сæ уæлæ пæлæзтæ сырх дарийæ, сæ бакастæй — пехуымпартæ. Загътон: адон сты дзуары лæгтæ* (Шамиль Джикаев) / «Наконец открылась дверь. На свет вышли три старца. Их бороды – белые, на них красные плащи из шелка, с виду — пророки. И подумал: это жрецы».

Такой цветовой символизм не случаен, поскольку на начальном этапе диалектического развития использовались только два цвета – белый и черный. Символическое распределение значений было также антонимичным и олицетворяло Небо и Землю, Свет и Тьму, Счастье и Несчастье, Добро и Зло, Жизнь и Смерть, что вполне соответствует мифологическим воззрениям осетин. Позднее в эпоху сложившихся общественных отношений потребовалось наличие третьего цвета, которым стал красный.

Символическое значение красного у разных народов отличалось могло означать силу, зло, войну, насилие, смелость, справедливость и сверхчеловеческую силу. Такая семантика красного цвета соотносима с цветом иранского воинства, и транслируется в снаряжении боспорских всадников (катафрактариев), состоящих в том числе из сармато-аланских племен, которые стали носить красные плащи [9].

В религиозно-духовной сфере красный цвет символизировал правосудие, поднимающееся вверх, причастность к Свету, был символом радости на праздниках, свадьбах и различных торжественных ритуалах. Синтез всех представленных значений красного в мировой культуре вполне мог отображаться в цвете плащей *Дзуары лæг* (жрецов) как посредников между людьми и покровителями, которым они служили, учитывая жесткую кару божеств и справедливое правосудие, силу их благословения и безусловное существование, в которые свято верили осетины. Однако практика ношения красного плаща как атрибута одеяния священнослужителей (*Дзуары лæг*) практически не сохранился до наших дней. В современности не всегда присутствуют и белые одежды, которые некогда надевали в том числе и младшие священнослужители при исполнении ритуального действия во время празднеств в честь того или иного покровителя [10].

Представленная историческая ретроспектива наглядно демонстрирует развитие и расширение значения слова *пæлæз*, которое оказывается способным вместить семантику всех видов данного типа одежды, не подвергаясь формально-грамматическим изменениям. Исходя их контекстного окружения и коммуникативных задач, подобные слова могут сочетаться с единицами, сообщающими о дополнительных, уточняющих признаках цвета, формы или качества. Скажем, в случае с представленным словом могут встречаться определения *даргъ* «длинный», *сырх* «красный», *æзронд* «старый», *хъæдабаæ пæлæз* «бархатный плащ» и т.д. Однако, образованные сочетания не закрепляются в языке как составные наименования и не указывают на родо-видовую принадлежность предмета. Таким образом, определение видовой принадлежности предмета, его особенностей и статуса в осетинском языке возможно исключительно в контекстуальном окружении.

Слова типа *пæлæз* относятся к категории лексем с незавершенным или приостановленным процессом архаизации. Известная стилистическая функция таких слов позволяет их использовать для достижения экспрессивных целей. Так, в обыденной разговорной речи могут употребляться для обозначения родовой принадлежности, не учитывая видовые различия. В этом случае зачастую слово приобретает дополнительные коннотаты со сниженной стилистической окрашенностью. (*Дæ пæлæз ма раппар де уæлæйæ!* «Сними свой плащ! (в зачении любой верхней одежды)», стилистически равнозначно со словом *лапсердак*,

употребленным в том же значении). Таким образом, в осетинском языке наблюдается тенденция активного употребления устареваемых слов с сохранением их собственного значения и, вместе с тем, появлением новых коннотативных смыслов, что дает новые возможности ознакомления со словом в его собственном и переносном значениях.

1. https://www.ironau.ru/bilingva/PROSE/THE_OLD_MAN_AND_THE_SEA.htm
2. Студенецкая Е.Н. Одежда народов Кавказа XVII-XX вв. М., 1989. С.288.
3. Магомедов А.Х. Культура и быт осетинского крестьянства (историко-этнографический очерк). Орджоникидзе, 1963 г. 224 с. 114
4. Клапрот Ю, Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. / В кн. Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XII-XIX вв.), Орджоникидзе, 1967 г., (145) 318с.
5. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Ленинград: Издательство «Наука», 1973. 448 с. 239с.
6. Кардини Франко Истоки средневекового рыцарства: Пер. с ит./ Вступ. ст. В.И.Уколовой. Общ. ред. В.И.Уколовой и Л.А.Котельниковой. — М.: Прогресс, 1987. 384 с.
7. К.Скотт Литлтон, Линда А.Малкор А.А.От Скифии до Камелота. М.: Издательство «Менеджер», 2007. 488 с. (64-65)
8. Дзадзиев А.б., Дзуцев Х.В., Караев С.М. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. Владикавказ, 1994. 284 с. (120)
9. Туаллагов А.А. Ранние аланы. Владикавказ: МПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2014. 462 с.
10. Икскуль В.Я. Кавказские повести. Цхинвали, 1966. 283 с.

Назарова Н.А.

Особенности функционирования заимствованной лексики в области науки и образования

*Омский государственный педагогический университет
(Россия, Омск)*

doi: 10.18411/lj-12-2020-235

idsp: ljjournal-12-2020-235

Аннотация

В статье рассматривается иноязычная заимствованная лексика в сферах науки и образования, анализируются заимствованные педагогические термины. Описываются экстралингвистические, социально-психологические и лингвистические причины увеличения числа заимствованных педагогических терминов. Выявлены этапы ассимиляции заимствованной лексики в русский язык и определены группы иноязычных заимствований в современной российской образовательной практике.

Ключевые слова: заимствованная лексика, наука и образование, педагогические термины, ассимиляция заимствованной лексики, причины заимствования, группы иноязычных заимствований.

Abstract

The article examines foreign loanwords in the fields of science and education, analyzes borrowed pedagogical terms. The extralinguistic, socio-psychological and linguistic reasons for the increase in the number of pedagogical borrowings are described. The stages of assimilation of loanwords into the Russian language are revealed and groups of foreign borrowings in modern Russian educational system are defined.

Keywords: loanwords, science and education, pedagogical terms, assimilation of loanwords, reasons for borrowing, groups of foreign borrowings.

Развитие системы образования очень тесно связано со всеми изменениями, происходящими в системе государственного устройства, экономической и социальной сферах, культуре, средствах массовой информации и т.д. Кроме того, состояние